

Глава 9

Ли Шиминь заметил, как Салучзы сердито посмотрел на него, и даже указал на это жене. Госпожа Чансунь была весьма удивлена — неужели этот конь понимает человеческую речь?

Князь же был спокоен. Чем дольше он общался со скакуном, тем больше убеждался в его необычайном уме. Иногда, когда он в спешке говорил слишком резко, Салучзы закатывал глаза. Когда ему давали лакомство, жеребец ласкался, а в трудную минуту всегда был готов помочь хозяину. Какая же удача ему выпала!

Когда они ушли, оставшаяся служанка действительно не осмелилась дать ему много сахара. Когда он вылизал блюдце, девушка с причёской в виде одного пучка на макушке хотела убрать посуду, но не смогла — конь схватил блюдце зубами.

«Ну что значит "немного"? Сколько именно "немного", не сказано. Дай ещё»

Глядя в большие, влажные глаза прекрасного коня, служанка поколебалась, но всё же достала блюдце и налила ещё примерно половину от предыдущей порции.

Ли Шэн был не очень доволен, но это было лучше, чем ничего. Он опустил голову, потёрся о руку девушки и с наслаждением, понемногу, слизал всё до капли. Ах, сладость действительно приносит счастье!

Жизнь в резиденции Цинь-вана была спокойной. Его хорошо кормили и поили, а система служила ему «Байдупедией», рассказывая обо всём на свете.

Ли Шиминь знал, что его драгоценный конь не любит сено, а предпочитает зерно. На поле боя ничего нельзя было поделаться, но здесь, на своей территории, всё было иначе. Рацион Ли Шэна постепенно менялся: сначала половина сена и половина зерна, потом треть сена и две трети зерна, и, наконец, сухой травы оставалось совсем чуть-чуть. А поскольку погода становилась прохладнее, и сено стало ещё менее вкусным, жеребец отказывался его есть, каждый раз оставляя нетронутым. В конце концов, его перевели на чистое зерно.

К тому же, его время от времени подкармливали лакомствами: сухофруктами, свежими фруктами, сиропом и однажды даже дали кусочек сладкого пирога.

От такой жизни Ли Шэн чувствовал, что скоро растолстеет. Каждый день конюх выводил его на прогулку, но это было так недолго, что он не мог вдоволь набегаться. Будучи конём, он по своей природе жаждал бега и любил простор. Просидев несколько дней взаперти, он начал раздражаться и хотел на волю.

И как раз в этот момент, когда он был не в духе, Инь Кайшань и несколько других полководцев привели к нему кобыл. Ли Шэн так разозлился, что, забыв о всяких джентльменских манерах,

прогнал их всех. Одна рыжая кобылка хотела было вернуться и продолжить знакомство, но он лягнул её.

«Сначала этот жеребец показался таким высоким и красивым, даже понравился. А он, оказывается, грубиян. Какое разочарование!»

Стоявшие рядом генералы и пришедший посмотреть на это Ли Шиминь громко смеялись и шутили, что у Салучзы высокие требования.

Они не придали этому особого значения. Во-первых, брачный сезон у лошадей весной, а сейчас уже осень, так что шансов было мало. Во-вторых, они все знали, что Салучзы — конь необычный, так что его привередливость была вполне нормальной. Даже простые люди, если они были состоятельны и хороши собой, долго выбирали себе пару.

Наступил десятый месяц 618 года. Ли Шиминь пригласил нескольких близких полководцев поехать в горы на охоту.

Как только Ли Шэна вывели во двор, он поднял голову и увидел на хозяине пурпурный плащ.

Пурпурный бывает разным: тёмно-лиловый, красновато-пурпурный, синевато-пурпурный, насыщенный чистый пурпур и так далее. Например, официальные одеяния чиновников первого ранга династии Тан были синевато-пурпурными.

Но плащ на князе, по оценке коня, был того же оттенка, что и его собственная масть. Это было большой редкостью. Красный и пурпурный цвета всегда считались благородными, и красить в них ткани было намного сложнее. Найти определённый оттенок пурпурного было ещё труднее.

Удивился не только он. Стоявшие рядом полководцы, такие как Цю Сингун, тоже заговорили об этом.

— Ваше Высочество, цвет вашего сегодняшнего плаща почти такой же, как масть Салучзы. Какое совпадение.

Ли Шиминь рассмеялся:

— Какие уж тут совпадения. Это был особый подарок.

Все тут же всё поняли.

Недавно Хань Шисин через Фан Ина подарил Салучзы аметистовые бусины, и Цинь-ван запомнил его имя. Теперь кто-то решил последовать этому примеру.

Группа выехала из столицы. По дороге они обсуждали последние важные события. Ли Шэн слушал их и одновременно читал информацию от системы, с удовольствием поглощая новости.

Нужно сказать, что к моменту, когда династия Тан обосновалась в Чанъане, вокруг уже было несколько грозных вооружённых группировок. На севере — Лян Шиду и Лю Учжоу, на западе — Ли Гуй и Сюэ Цзюй, на востоке — Ли Ми, Доу Цзяньдэ и Ван Шичун, на юге — Юйвэнь Хуацзи, Сяо Сянь и другие.

Теперь режим Западной Цинь Сюэ Цзюя стал историей. Ли Гуй из Си Лян, одурманенный обращениями Ли Юаня «двоюродный брат», сам был не прочь породниться с могущественным кланом из Гуаньчжуна и в восьмом месяце отправил посланников в Чанъань в знак дружбы.

Юйвэнь Хуацзи был наиболее известен тем, что поднял мятеж в Цзянду и убил императора Суй Яна. Убив государя, он провозгласил императором его племянника Ян Хао, а сам стал великим канцлером и унаследовал более ста тысяч воинов династии Суй.

Но этот человек не обладал стратегическим мышлением и был натурой недалёкой. Уходя из Цзянду, он погрузил на повозки всех красавиц и сокровища, а оружие и доспехи заставил нести солдат. Кому это понравится? Воины были крайне недовольны своим командиром.

Позже Ли Ми, призванный Юэ-ваном Ян Туном из Лояна, получил титул Вэй-гуна и был послан против Юйвэнь Хуацзи. Без сомнения, тот потерпел сокрушительное поражение. Его дело было проиграно. Солдаты, видя, что у их предводителя нет ни территории, ни военного таланта, начали его покидать. В конце концов, с ним осталось всего двадцать тысяч человек, с которыми он бежал в Вэйсянь.

Надо сказать, что Юйвэнь Хуацзи был человеком с амбициями. Видя, что его армия тает с каждым днём, он должен был бы трезво оценить ситуацию и подумать об отступлении.

Но он этого не сделал. Он произнёс весьма пафосную фразу:

— Человеку суждено умереть, так почему бы хоть на один день не стать императором?

В переводе на простой язык:

— Если уж живёшь, то почему бы не попробовать стать императором, иначе зачем вообще жить.

И он немедленно отравил находившегося у него в руках потомка династии Суй Ян Хао, а затем в Вэйсяне — это в современном уезде Вэйсянь города Ханьдань провинции Хэбэй — в этом маленьком городке провозгласил себя императором.

Ли Шэн подумал, что это, должно быть, было его последнее безумие. Он уже знал, что у него

нет надежды, но он был одним из тех, кто вершил судьбы в последние годы династии Суй. Как он мог смириться с таким концом? Поэтому он пошёл на отчаянный шаг. Хотя и без особого размаха, но он мог сказать, что всё же был императором.

С другой стороны, Ли Ми, хотя и разбил Юйвэнь Хуацзи, сам потерял много элитных воинов и был сильно ослаблен. Изначально его призвал Юэ-ван Ян Тун, который обещал ему, что после победы он введёт его в правительство. Но когда Ли Ми вернулся после битвы, в Лояне уже правил Ван Шичун, а Ян Тун был заперт во дворце, как в тюрьме.

Ван Шичун, воспользовавшись тем, что противник был измотан после тяжёлого сражения, напал на него. Ли Ми потерпел сокрушительное поражение и бежал в Чанъань, где сдался Ли Юаню. Многие из его бывших подчинённых были приняты на службу победителем, например, более известный в будущем Чэн Чжицзе, то есть Чэн Яоцзинь. Другая небольшая часть последовала за своим господином и присягнула на верность Тан.

— Его Величество пожаловал ему должность министра императорского двора, титул Син-гогуна и обещал в жёны свою двоюродную сестру, госпожу Дугу. Это великая милость.

— Но на днях я видел, как он разговаривал с Ван Боданом, и на его лице было недовольство.

— Просто человек ненасытен, — ответил другой. — Раньше он был сам себе хозяином в Шаньдуне, а приехав к нам, должен подчиняться приказам. Он всё ещё думает, что всё по-старому.

Ли Шэн медленно шёл, глядя на светящийся экран перед собой.

«Вы считаете, что хорошо обошлись с Ли Ми, но он так не думает»

Здесь столкнулись две разные точки зрения. Ли Ми полагал:

«Если бы я не сдерживал Юйвэнь Хуацзи и Ван Шичуна, смог бы ты, Ли Юань, так легко и быстро разбить Сюэ Цзюя? Это я сковал их силы, и в твоей победе над Западной Цинь есть и моя заслуга. Теперь я пришёл к тебе с кучей людей, а Шаньдун — это моя вотчина. Стоит мне только крикнуть, и мои бывшие подчинённые откликнутся. Ты, Ли Юань, не потратив ни одного солдата, получаешь сотни городов в Шаньдуне. Ты в большом выигрыше, так что ты должен дать мне должность уровня канцлера, чтобы это соответствовало моему статусу и заслугам!»

Но император и его министры думали иначе:

«Да, когда мы сражались с Сюэ Цзюем, ты действительно сдерживал армию Суй. Но это был твой собственный выбор, мы тебя об этом не просили. Ты был сам себе хозяином, а теперь, едва придя к нам и ещё не совершив никаких подвигов, уже хочешь стать вторым человеком в

государстве? Сотни городов в Шаньдуне подчиняются тебе. Если ты получишь большую власть и сговоришься с ними, что тогда? Хочешь быть великим канцлером? Мечтай»

Поэтому Ли Ми был очень недоволен своим нынешним положением. У него был титул, но не было реальной власти. К тому же, придворные Тан не выказывали ему особого уважения, что совсем не соответствовало его ожиданиям.

Ли Шэн посмотрел на стаю птиц, вспорхнувших вдаль. Каждый думает только о себе.

— Кстати, то, что Ли Гуй из Си Лян признал себя вассалом, — это хорошая новость. Если Си Лян будет усмирён, у нашей Тан больше не будет угрозы с тыла.

— Его Величество назначил его управляющим Лянчжоу и пожаловал титул Лян-вана. Посланник, должно быть, уже скоро прибывает.

Ли Шэн молча посмотрел на небо.

«Лучше бы вы не ждали его скорого прибытия в Си Лян. Боюсь, вы не выдержите этого»

Исторически, когда Ли Гуй отправил людей в Чанъань, он имел в виду лишь установление дружеских, равных отношений. Но Ли Юань, уже провозгласивший себя императором, естественно, воспринял это как признание вассальной зависимости, пожаловал ему должность и отправил уполномоченного в Си Лян с указом. Тот выехал из столицы в восьмом месяце.

Но в одиннадцатом месяце того же года Ли Гуй тоже провозгласил себя императором. Си Лян и Чанъань находились далеко друг от друга, и так возникло это недоразумение.

Императорский посланник Тан прибыл в столицу Си Лян, Увэй, только в феврале следующего, 619 года.

Представьте себе: чиновник, обращаясь к Ли Гую, облачённому в императорские одежды и корону, зачитывает указ Ли Юаня о назначении его управляющим Лянчжоу.

Да, от этой неловкой сцены Ли Шэн уже готов был прорыть копытами четырёхкомнатную квартиру.

<http://bllate.org/book/16003/1443467>